

кве. Именно в этой части переписки отчетливо проявляется зависимость поведения и внутренней жизни Карамзина от литературы. На литературное происхождение образа-идеала, под который «подгоняется» внутренняя жизнь поэта, указывают интересные детали из писем Петрова к Карамзину, легко и небрежно иронически разрушающие заданный образ. 5 мая 1785 г. в ответ на жалобы друга Петров пишет: «...совсем не понимаю, как можешь ты почитать свое состояние столь мрачным, каким ты его описываешь. Не погневайся; я думаю, что ты сам отчасти виноват в тех неприятностях, которые терпишь, и хочешь беспрестанно скучать» (С. 499). Следующее письмо Карамзина подтверждает возникшее подозрение. 20 мая 1785 г. Петров бранит друга за «вымаранные строки» в письме от 9 мая 1785 г.: «Ты наделал мне труда на целый час (...) После многих тщетных опытов показалось мне, что тут написано было:¹¹ Если так, то для чего это вымарывать? Мне весьма приятно слышать, что ты не совсем чужд в Большом Симбирском Свете» (С. 502). Концовка фразы «не совсем чужд в Большом Симбирском Свете» восстановлена Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским. Как указывают исследователи, в копии писем Петрова¹² эти слова зачеркнуты. Поверх них рукою Карамзина вставлено «печален» («Мне весьма приятно слышать, что ты не совсем печален». — С. 502). Правка обнаруживает опытного редактора: устранена стилистическая неправильность («не совсем чужд в Большом Симбирском Свете»), найдено точное, ключевое для сентиментальной поэтики слово «печален».

Более значима вторая правка. Тщательно зачеркнуты четыре слова из письма друга, вместившие в себя содержание «вымаранных» Карамзиным и «разобранных» Петровым «строк». На их месте поставлено интригующее многоточие: «После многих тщетных опытов показалось мне, что тут написано было... Если так, то для чего это вымарывать?» (С. 502). Очевидно, в начале XIX в., готовя письма покойного друга к публикации, так же как и пятнадцать лет назад, Карамзин видел в этих искренних, случайно прорвавшихся чувствах только отступление от заданного литературного образа. Карамзин не просто сознательно растит, лелеет, культивирует свою меланхолию — он играет в нее.

Скука, тоска, разочарование — один из основных мотивов переписки М. Н. Муравьева с В. В. Ханьковым. «Должен ли я слышать, — пишет Ханьков в феврале 1779 г., — что друг мой, лучшей участи достойнейший, находится в подобном мне положении: он равно скучает жизнью, как я...»¹³ Его реакция

¹¹ «После было тщательно вычеркнуты четыре слова, прочесть которые не удалось» (примеч Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского — С. 502)

¹² ИРЛИ, фонд бр Тургеневых, № 124

¹³ Цит по *Муравьев М Н* Стихотворения Л., 1967 С. 348